

А. Мустояпова*

*Қарағандық ұлттық ғылым университетінің профессоры, академик Е. А. Букетованың
Қарағандық университеті, Қазақстан
(E-mail: mustoyanova2017@gmail.com)*

Травма социального исключения и трансформация идентичности героя романа Кобо Абэ «Чужое лицо»

В статье осуществлен анализ романа Кобо Абэ «Чужое лицо» на предмет изображения в нем травмы героя и кризиса идентичности, обусловленного остракизмом со стороны общества. Автор статьи акцентирует внимание на переживании травмы социального исключения человеком, сформированным в обществе с коллективистским мышлением. На основании исследований, посвященных изучению группового сознания японского общества, в данной статье доказывается, что не физическое увечье, а последовавшее за несчастным случаем социальное исключение героя стало причиной его психологической травмы и трансформации его идентичности. Особое внимание уделяется травмирующему опыту отчуждения и его разрушительному воздействию на идентичность человека. Социальный контекст позволил исследовать опыт переживания состояния инаковости японцем, принадлежность которого к определенной группе составляет значительную часть его идентичности. Проблема идентичности героя романа рассматривается на фоне формирования национальной идентичности послевоенного японского общества, находящегося под воздействием западной культуры, что позволило пересмотреть стереотип о дихотомии японского коллективизма и западного индивидуализма. Этот ракурс обусловил деколониальную оптику исследования. Кроме того, идентичность героя исследуется в рамках современной теории воплощенного сознания. Избранная перспектива анализа текста определила выбор методов исследования, которые основаны на концепции идентичности, теориях травмы, инаковости и воплощенного сознания. Данный подход обеспечил новизну и актуальность исследования. Целью исследования является анализ травмы и кризиса идентичности личности вследствие социального исключения. Означенная цель достигается посредством определения сути группового сознания, природы инаковости, что позволяет определить характер психологической травмы героя романа и причины трансформации его идентичности. В статье утверждается, что травмирующим для героя становится не единичное событие — несчастный случай, а последствия — исключение его из привычных социальных отношений. Результаты данного исследования демонстрируют, что социальное исключение, которому подвергся герой романа, делает его чувствительным к природе инаковости; вытеснение члена из традиционной социальной группы с коллективистским мышлением приводит не только к кризису идентичности личности, но и формирует в нем новую идентичность, основанную на индивидуализме; идентичность человека, происходящие в нем когнитивные процессы есть воплощение его физической, телесной зависимости от среды, т.е. состояния и норм социума.

Ключевые слова: травма, социальное исключение, инаковость, кризис, трансформация, идентичность.

Введение

Выбор для анализа романа Кобо Абэ «Чужое лицо» [1] обусловлен тем, что в условиях появления новых критических подходов произведение раскрывает новые возможности для интерпретации

* Корреспондент-автор. E-mail: mustoyanova2017@gmail.com

причин и характера отчуждения героя. Рассмотрение романа с точки зрения экзистенциальной проблематики, проблемы отчуждения, семантики маски и тому подобное составляло предмет анализа исследователей на протяжении полувека. Доступные сегодня методы исследования позволяют рассматривать трагедию героя как переживание им травматического опыта и кризиса идентичности, обусловленного социальным исключением.

Допустимо утверждать, что К. Абэ во многом опередил интерес литературоведов к проблеме психологической травмы и ее влияния на идентичность человека. Внимание писателя к проблеме идентичности было обусловлено социально-историческим контекстом. Роман создавался в период трансформации идентичности японского общества после Второй мировой войны, что нашло отражение в произведениях Я. Кавабаты, Ю. Мисимы и других японских писателей послевоенного поколения. Более того, К. Абэ, выросший в Маньчжурии и потому наделенный возможностью видеть японское общество снаружи и изнутри, показал уязвимость члена коллективистского общества в случае его исключения из привычного социального окружения. Произошедшая с героем романа «Чужое лицо» трагедия, обезобразившая его лицо, привела к его отторжению со стороны общества. Окуяма, будучи членом социальной группы, живущей в парадигме группового мышления, оказывается перед кризисом своей идентичности. Перестав восприниматься как «свой» и оказавшись вне группы, он открывает для себя природу инаковости. Именно социальное исключение обусловило кризис идентичности, поскольку являться и позиционировать себя членом коллектива — важная часть идентичности японца, японского мироощущения. Разрыв с группой, изоляция от группы вырывает японца из привычного окружения и становится травмирующим опытом. Социальное исключение означает для человека потерю себя прежнего. Герой предпринимает создание нового лица-маски, что становится метафорой поиска, а затем и обретения им новой идентичности.

Социальное исключение Окуямы находит выражение в соблюдении дистанции между ним и остальными людьми, молчании, избегании контакта даже посредством взгляда, в отторжении людьми и страхе детей перед его внешним обликом. Герой чувствует свое отчуждение на физическом уровне, и решение проблемы, выход из состояния психологического дискомфорта, он пытается найти через «исправление» ситуации на физическом уровне, а именно созданием лица-маски. К. Абэ интуитивно нашел и образно изобразил истоки формирования и трансформации когнитивных схем — физический опыт. Травма, вызванная социальным исключением, оказывается воплощенной в сознании героя, в переживаемом им кризисе идентичности.

Космополитизм Кобо Абэ обусловил его чувствительность к проблеме идентичности и позволил увидеть скрытый или формируемый индивидуализм сквозь внешний коллективизм японского общества. Эта сторона японской идентичности стала предметом его художественного осмысления. Более того, писатель стремился показать не узко национальную японскую проблему отчуждения человека, а ее универсальность для любого общества. Как отмечает К. Девон, «в отличие от более традиционных японских авторов и художников, чьи системы ценностей были прежде всего японскими, Абэ исследует человеческое существование, свободное от культурных и национальных привязанностей» [2; 40]. Подобный подход позволил К. Абэ более широко увидеть проблему социального исключения и его связь с кризисом идентичности, критически оценить отношение к инаковости и его разрушающее влияние на идентичность отчуждаемого человека. При этом роман К. Абэ позволяет пересмотреть устойчивый стереотип о коллективизме японского общества и индивидуализме западного социума.

Обзор научной литературы позволяет заключить, что роман К. Абэ более полувека остается в поле внимания исследователей, которые обнаруживают все новые грани этого произведения. Так, например, К.А. Дэвон рассматривает творчество К. Абэ в контексте поиска новой идентичности в послевоенной Японии [2], Л. Ким и О. Борецкий анализируют внутреннюю деформацию личности и идентичности героя романа [3], А. Сутандио пишет о символизме маски, олицетворяющей победу технологий над человечностью [4], С. Теоджая исследует экзистенциальный кризис героя посредством категорий индивидуальности/абстракции и идентичности/притворства [5], М. Оразбек анализирует архетип маски и мифологему зеркала в романе [6].

Новизна и актуальность данной работы определяется избранной перспективой, а именно рассмотрением проблемы героя как переживания травмы социального исключения. Эта оптика расширяет представление о характере и причинах психологической травмы и попытке выхода индивида из кризиса идентичности, обусловленного социальным остракизмом. Автор статьи рассматривает травму как не единичное трагическое событие, а как его следствие — продолжительное по времени исключение человека из привычных социальных отношений, окружения и ориентиров.

Целью данного исследования является анализ травмы и кризиса идентичности личности вследствие социального исключения. Задачи, которые решаются в статье, заключаются в определении источника травмы и кризиса идентичности; выявлении признаков социального вытеснения/исключения и его негативного влияния на идентичность человека; обнаружении связи между травмирующим опытом и кризисом идентичности отдельной личности. Кроме того, в статье излагается суть группового сознания, природы инаковости, что позволяет определить характер психологической травмы героя романа и причины трансформации его идентичности.

Используемые при исследовании критические подходы, такие как теория травмы, концепция идентичности, теория воплощенного сознания, позволили рассматривать роман как нарратив о травматическом опыте и переживаемом главным героем кризисе идентичности. Содержание статьи способствует расширению перечня вопросов, включенных в поле теории травмы, и актуализирует проблему идентичности маргинализируемой обществом личности.

Материалы и методы исследования

Основным материалом исследования является роман К. Абэ «Чужое лицо» (1964), представляющий нарратив о травме социального исключения и кризисе идентичности. В связи с проблемой исследования важными источниками стали труды ученых, посвященные травме. Дж. Хартман изложил суть теории травмы: «Возникает теория, сосредотачивающаяся на взаимосвязи слов и травмы и помогающая нам «прочитать рану» с помощью литературы» [7; 537]. Дж. Александер под травмой понимает происходящие события, которые нарушают ощущение благополучия, наносят непоправимый физический и психологический урон человеку [8]. Р. Айерман указывает, что травма вызывает потрясение привычных шаблонов и кризис идентичностей: «Кризис подобен тяжелой экономической депрессии — это шокирующее явление, которое может спровоцировать нарушение повседневной рутины...» [9; 123]. Н. Смелзер подчеркивает важный для нашего исследования тезис о зависимости личности от внешней среды: «...система личности представлена как система, открытая для окружающей среды (т.е. способная быть поврежденной извне), обладающая способностью интернализировать (через память) этот ущерб, способная защищаться от него посредством частично успешного вытеснения, но в конечном итоге уязвимая для его воздействия» [10; 37].

Следующая группа источников включает работы, посвященные концепции идентичности. С. Холл предлагает рассматривать идентичность как процесс, которая может подвергаться трансформации под воздействием травматического события [11]. С.А. Абдулмажид определяет идентичность как «сочетание унаследованных ценностей, личной истории, а также множества социальных связей и норм» [12; 114]. Под социальной идентичностью Р. Дженкинс понимает «установление и обозначение между индивидами, между коллективами, между индивидами и коллективами отношений сходства и различия» [13; 18]. Для анализа романа «Чужое лицо» представляют важность труды, раскрывающие понятия кризиса идентичности и конфликта идентичностей. Э. Эриксон отмечает, что кризис идентичности зависит от прошлых и новых моделей идентификаций, а также ролевых ожиданий общества [14]. Дж. П. Берк и Э. Дж. Стетс в конфликте идентичностей видят ролевой конфликт, полагая, что «конфликты между двумя идентичностями могут возникать, когда человек принимает новые ролевые идентичности» [15; 183].

Важную основу для исследования составили труды о групповом сознании японцев С. Хирота, К. Накашима, Ё. Цуцуи [16], понятиях *ути* (внутреннее), *сото* (внешнее) [17], а также *амаэ*, означающее «зависимость от благосклонности других» и важное «для поддержания гармоничных отношений» [18; 17]. О давлении со стороны коллективистского японского общества пишет Р. Тагучи, отмечая, что оно может негативно влиять на поведение людей в группе [19]. Э. Такамизава рассматривает японское общество как структурированное на основе фреймов: «Любые институты или группы... выполняют функции фреймов в японском обществе. И фрейм, к которому принадлежит человек, определяет его/ее основную идентификацию...» [20; 35]. Э. Такамизава отмечает, что фреймовое общество может быть сдерживающим фактором для реализации индивидуальности члена социума, а также характеризуется исключительным отношением к чужакам [20; 36].

Значимым материалом для раскрытия проблемы инаковости, Другого стали работы С.А. Абдулмажид [12], А. Гиллеспи [21], а также Ж.-Ф. Сташак, который в инаковости видит результат того, как «доминирующая группа («Мы», «Я») конструирует одну или несколько доминируемых чужих групп («Они», «Другие»), стигматизируя различие — реальное или воображаемое —

представляемое как отрицание идентичности и, следовательно, мотив для потенциальной дискриминации» [22; 2].

Понимание травмы включает ментальные значения, что актуализирует обращение к теории воплощенного сознания и когнитивной критике. М. Тернер утверждает, что когнитивное изучение литературы позволяет акцентировать внимание на моделях мышления и показывает, как отношения «внешнего пространства» становятся отношениями «внутреннего пространства» [23; 17]. Э. Харт пишет о моделях «воплощения» человеческого мозга и указывает, что «разум разделяет интерактивность мозга с телом и, следовательно, с его физической, социальной и культурной средой» [24; 1267]. Ш. Танака отмечает, что «воплощенный взгляд на разум породил широкий спектр дискуссий о «я»» [25; 35].

В статье использована теория травмы, позволяющая определить ее истоки, признаки, способы выражения и переживание травматического опыта, а также концепция идентичности, позволяющая определить воздействие травмы на идентичность человека. Автор исследования использует контекстуальный подход для определения истоков травматического переживания героя романа; интерпретационный подход, расширяющий возможности понимания семантики произведения, мотивов поступков и выбора Окуямы; когнитивистский подход, включающий анализ связи среды, культурных норм и ментальных схем.

Результаты и обсуждение

Во время научного эксперимента химик Окуяма, главный герой романа «Чужое лицо», обжег себе лицо жидким кислородом, в результате чего оно покрылось келоидными рубцами. Обезображенное лицо Окуяма был вынужден прятать под бинтами. Несчастный случай, безусловно, стал травмирующим событием. Однако определяющим фактором травматического переживания и последовавшего кризиса идентичности стало социальное исключение героя. Речь о травматическом опыте идет именно тогда, когда «травмирующее событие вступает во взаимодействие с человеческой природой... Человеческим существам нужны безопасность, порядок, любовь и связи. Если случается нечто, резко ставящее под угрозу удовлетворение этих потребностей, то... в результате люди оказываются травмированы» [8; 9].

Следует отметить, что переживание травмы может быть следствием рефлексии. Нередко причиной рефлексии является то, что травма оказывается результатом не единичного события, а продолжительной практики исключения, остракизма и необходимости человека преодолевать связанные с данной ситуацией дискомфорт и стресс. В подобной ситуации оказывается герой романа «Чужое лицо». После несчастного случая жизнь его кардинально меняется: он теряет привычную связь с окружающими людьми, чувство общности с ними. Знакомые с ним подчеркнуто вежливы, но стараются не смотреть в его скрытое под бинтами лицо. «Окруженный стеной приветливости, я всегда был совершенно одинок» [1; 162], — пишет герой. Нахождение в скоплении людей вызывает в нем чувство тревоги: «...со всех сторон на меня глазают, будто видят перед собой незаконно вторгшегося пришельца» [1; 170]. При этом он окружен словно непреодолимой границей: «Хотя там была невообразимая толчея, только вокруг меня, точно это был зачумленный район, всегда оставалось свободное пространство, и ни разу никто не задел меня плечом» [1; 209]. На оживленных улицах при переполненных людьми лавочках на свободную лавку рядом с Окуямой никто не садился.

Ситуация социального исключения усугублена тем, что Окуяма — японец, т.е. член общества с групповым сознанием. Японское коллективистское мышление выражено в приоритете групповых интересов над личными; ценность представляет лояльность по отношению к социальной группе и соответствие групповым ожиданиям. Подобный менталитет формирует в человеке сильное чувство общности, принадлежности к группе и становится значимым фактором его идентичности. Р. Тагучи связывает японский коллективизм с императивом «сохранения лица», который выражен в сохранении положительного впечатления о себе у других [19]. Э. Така미зава отмечает зависимость японцев от социальных рамок: «Как только японцы вписываются в свои социальные рамки, им нелегко выйти из комфортной зоны внутри них. Рамки функционируют для них как целостная система жизни, и выход за рамки часто означает конец социальной жизни» [20; 44].

Отчуждение в японском коллективистском обществе обычно обращено тем, кто воспринимается чужим. Дихотомия свой/чужой передается понятиями ути/сото, где «ути можно определить как внутри, мой дом и жилище, группа, к которой мы принадлежим, и супруг(а); в противоположность этому, сото означает снаружи, другие группы и вне дома» [18; 217]. Когда отчуждение было направлено на

Окуяму, он, во-первых, оказался вне привычной группы и, во-вторых, был маркирован как чужой. Поэтому социальное отторжение становится для него более травмирующей ситуацией и переживанием, чем обезображенное лицо. Окуяму, в первую очередь, беспокоит исключительность его положения, отсутствие хоть кого-нибудь, на кого он был бы похож, что позволило бы им быть объединенными в одну группу на основании некоего общего для них признака: «...хуже всего то, что моя судьба слишком необычна, слишком индивидуальна. В отличие от голода, безответной любви, безработицы, болезни, банкротства, стихийного бедствия, разоблаченного преступления, в моем горе не было того, что позволило бы разделить его с другими. Мое несчастье навсегда останется только моим, и я ни с кем не смогу им поделиться» [1; 204-205]. Социальное исключение становится главным источником травмирующего опыта героя: «Мое отчаяние объяснялось не столько утратой лица, сколько тем, что моя судьба не имеет ничего общего с судьбами других людей. Я не мог подавить в себе чувство зависти даже к больному раком, потому что он разделяет свою судьбу с другими людьми» [1; 269]. Исключение из социальной группы, нарушение отношений с близкими людьми сокрушало самые основы его идентичности и вызвало перманентное состояние стресса. Отчуждение превращало Окуяму из члена группы в изгоя, из «своего» в Другого, из субъекта в объект. Причиной стала его непохожесть на остальных членов социальной группы, что составляло основу общности. Дж. Хендри подчеркивает: «В Японии особое внимание уделяется тому, чтобы быть похожим на других и уметь вписываться в общество...» [17; 94]. Императив «быть похожим на других» находит выражение в японской поговорке, которая гласит: «Торчащий гвоздь будет забит».

Окуяма боится превратиться в отверженного, в Другого. Взгляды и отношение окружающих людей пугают его: «Помогите! — восклицает он. — Не смотрите на меня так! Если вы и дальше будете так на меня смотреть, то я ведь и вправду стану чудовищем!» [1; 205-206]. Взгляды людей, их стигматизирующее отношение к человеку, ставшего непохожим на остальных членов сообщества, — вот что способно было превратить его в чудовище. Р. Дженкинс важными принципами идентификации называет сходство и различие [13; 18]. Именно появившееся различие во внешнем облике Окуямы стало для общества достаточной причиной для его остракизма.

Травмирующее героя социальное исключение обусловило переживаемый им кризис идентичности. Будучи исключенным из привычного круга социальных отношений, он теряет основополагающие признаки своей идентичности и перестает быть прежним. Окуяма становится кем-то другим. Он еще не знает, кем он станет и что будет составлять его новую идентичность. Одно очевидно: он — Другой. Ж.-Ф. Сташак указывает, что «Другой» — это «идентичность..., определяемая недостатками, обесцененная и подверженная дискриминации» [22; 1]. Инаковость является характеристикой Другого. Вследствие отношения к Окуяме со стороны общества и по воле этого общества герой оказывается заточенным в образ Другого. Он сравнивает себя с арестантом, чье пребывание в тюрьме рано или поздно закончится, его же заточение более страшно, поскольку убежать от себя самого невозможно: «То, что ты не можешь в любую минуту убежать от самого себя, — вот в чем ужас заточения» [1; 210]. Это сравнение показывает, что герой оказывается насильно помещенным в образ Другого, и причиной стало преступление, а его образ, отличный от образа группы.

Происходит отчуждение Окуямы от самого себя: он смотрит на себя глазами других людей. При этом он теряет чувство принадлежности к группе. Важное замечание Э. Такамазавы позволяет сделать вывод о закономерности следующего этапа в трансформации Окуямы. Ученый, размышляя о фреймовом обществе, отмечает, что «чем важнее группа становится для ее членов, тем сильнее размывается индивидуальная идентичность...» [20; 38]. Окуяма, исключенный из группы и, следовательно, переставший быть ее членом, оказывается в ситуации, когда его индивидуальная идентичность перестает размываться. Сосредоточившись на себе, он пытается разобраться, кто он есть без группы. Будучи вытолкнутым из состава «мы», герой пытается понять, кто есть «они», Другие.

Окуяма обращает внимание на тех, кто был дискриминируемым, маргинализируемым со стороны общества, группы, к которой он еще недавно принадлежал. Он размышляет о корейцах, находя «сходство между собой, лишившимся лица, и корейцами, часто становившимися объектом расовых предрассудков...» [1; 243]. Окуяма вспоминает о случаях, когда «корейцы с примесью японской крови подвергают себя пластической операции, чтобы быть больше похожими на корейцев» [1; 180]. Герой вдруг понимает, что отчуждение от себя и страдание вследствие социального исключения не являются единственной и естественной реакцией. Есть люди, которые не смиряются с дискриминацией и не чувствуют себя находящимися вне некоей нормы, а, напротив, подчеркивают свою непохожесть, свою индивидуальность, тем самым избегая разрушительного для личности отчуждения от самого

себя. В основе такого поведения, такой реакции присутствуют и вызов, и выбор. Вскоре Окуяма делает свой выбор, граничащий с вызовом.

Размышления героя о природе Другого помогают ему преодолеть ситуацию отчуждения от себя: «Поскольку я идентичен самому себе, а для другого — абсолютно чужой, значит, я наполовину чужой. Правда? Мы — желтая раса, но мы не были желтой расой от природы. Впервые мы превратились в желтую расу благодаря тому, что были названы так расой с другим цветом кожи» [1; 287]. Окуяма осознает, что и он сам стал Другим не «от природы», а лишь потому, что таковым его определили те, кто отличается от него пусть не по цвету кожи, но по другому признаку. Оттого, что кто-то определил японцев «желтой расой», они не изменили своей оценки самих себя, не потеряли свою идентичность, свою индивидуальность. Следовательно, и Окуяма, воспринимаемый окружающими как Другой, не обязан воспринимать себя таковым. Он принимает себя, свою самость. Остается вопрос: кто есть он, без растворения в группе, разрывающей его индивидуальность? Для японца с групповым мышлением этот вопрос оказывается непростым. Р. Айерман отмечает: «Шоки возбуждают эмоции тем, что разрывают повседневную рутину (поведений и когнитивных рамок) и поэтому требуют интерпретации» [9; 125]. Проработка героем травматического опыта, определение своей идентичности в новых жизненных обстоятельствах, новой среде стала для него условием обретения собственной идентичности вне влияния группы и без возможности скрыть свою индивидуальность в групповой идентичности.

Кризис идентичности, согласно Э. Эриксону, находится с зависимости от ролевых ожиданий общества, а также от конфликта между прошлыми и новыми моделями идентификации [14]. Окуяма в силу обстоятельств оказался свободным от ожиданий общества. В конфликт вступили его прежняя и новая идентификации. С.А. Абдулмаджид отмечает: «Однако идентификация не всегда является индивидуальным выбором: некоторые стигматизации и стереотипы навязываются некоторым группам людей. Эти нежелательные идентичности влияют на самовосприятие и осознание себя, а также на выбор и действия, основанные на этом» [12; 121]. Процесс идентификации Окуямы во многом был обусловлен не собственным выбором, а социальным исключением, разрушившим его прежнюю жизнь. Следовательно, идентификация стала его попыткой вернуть утерянную цельность бытия, возможность управлять собственной жизнью даже ценой выбора негативной идентичности. К. Эриксон указывает на то, что «выбор негативной идентичности представляет собой отчаянную попытку вновь овладеть ситуацией, в которой различные элементы позитивной идентичности подавляют друг друга...» [26; 185].

Поиск идентичности в новых жизненных условиях и в новой среде формируют в Окуяме новое «я» — идентичность индивидуалиста, напористого, агрессивного человека. Новые условия существования Окуямы дали право голоса Другому, который был едва слышен в тот период, когда герой был частью большого целого — социальной группы. А. Гиллеспи отмечает, что «голос другого... может иметь множество последствий. Ему можно сопротивляться, его можно принять, с ним можно договориться, и он может вызвать динамичное возникновение нового «я», то есть саморефлексии» [21; 212]. Принятый Окуямой голос Другого способствовал рождению его нового «я».

Возникает вопрос: родилось ли новое «я» героя или проявилось его истинное «я», подавленное и скрытое под спудом групповой идентичности? Существует устойчивое представление о коллективизме японского мышления, и оно имеет под собой научную основу. Однако меняются времена, условия коллективного взаимодействия, и прежние, сформированные за долгие века определенного образа жизни и хозяйствования поведенческие установки претерпевают трансформацию. Этот вопрос активно дискутируется в науке, и в качестве одной из причин называется быстрое развитие постиндустриального общества в Японии, что не могло не сказаться на идентичности японцев, особенно молодых поколений. К.А. Дэвон отмечает еще одну причину: «По мере роста населения в городских центрах Японии способы общения японцев друг с другом и их взаимодействия с окружающей средой также начали меняться» [2; 35]. С. Танака убежден в том, что «я» «в японской культуре не всегда коллективно, но имеет и индивидуальный аспект. Дело в том, что это вряд ли будет выражено вербально, поскольку переживания индивидуальности в основном даются через телесное взаимодействие, особенно через невербальные сигналы. Скорее, молчание перед другими — это распространённая форма поведения, выражающая индивидуальность... Короче говоря, дихотомия «индивидуальное против коллективного» или «независимое против взаимозависимого» слишком груба и стереотипна для описания культурных различий «я»» [25; 38]. Важный тезис высказывают Ш. Хирота, К. Накашима и Ё. Цуцуи, отмечая, что лояльность японца по отношению к группе носит утилитаристский

характер и что «индивидуальное конформное поведение обусловлено тремя психологическими факторами, а именно: фактором эффективности, фактором комфорта и фактором удовлетворенности» [16; 109]. Исследователи подчеркивают, что «японцы особенно склонны покидать группы, которые им не выгодны» [16; 124]. И тогда сложный выбор Окуямы становится вполне логичным. Герой отказался от конформного поведения, поскольку больше не находил в прежней группе ни комфорта, ни эффективности, ни удовлетворенности.

К.А. Дэвон рассматривает изменение идентичности японской нации, в том числе коллективистского мышления, в историческом контексте. Он пишет: «Как и на заре эпохи Мэйдзи, послевоенная Япония снова искала современную идентичность перед лицом западного господства» [2; 39]. Ученый отмечает, что в Японии послевоенного периода шел процесс работы «не только над созданием японской идентичности, но и над передачей общей идентичности людям современности, прямо атакуя использование Западом «ориентализма» [2; 39]. Именно в этом ключе К.А. Дэвон рассматривает произведение К. Абэ, создавшего целую галерею героев-одиночек. Окуяма высказывает подобную мысль об общности судеб всех людей, и его трагедия перестает быть просто историей японца, потерявшего связь с обществом. Герой понимает, что его ситуация не столь необычна, как ему изначально казалось: «Сама моя судьба — утрата лица, заставившая обратиться к помощи этой маски, — совсем не является чем-то из ряда вон выходящим — это, скорее, общая судьба современных людей» [1; 296]. Герой понимает, что, выбрав индивидуализм вместо привычного для него коллективизма и оказавшись в одиночестве, он на самом деле разделит судьбу многих людей. Его первоначальное убеждение в том, что его судьба «слишком необычна», что в его положение не попадал ни один человек, оказывается ошибочным. Теперь он знает, что может разделить свою судьбу со многими людьми. И речь идет не только об одиночках-индивидуалистах, но и о любом человеке, который включен в жизнь группы.

Окуяма осознает, что люди отчуждаются от самих себя, прячась за лицом, за допустимыми в обществе нормами или за коллективной идентичностью. Они прячут свой индивидуализм. «Выражение лица — не потайная дверь, которую скрывают от постороннего взора, а парадный вход, и поэтому его сознательно так строят и так украшают, чтобы он услаждал глаз проходящего» [1; 219]. Это выражение лица адресовано другим, т.е. тем, кто снаружи. Наедине с собой лицо человека естественно, как и он сам, и лишь вступая во внешний мир, человек начинает «играть по правилам». Так, выражение-маска, которое человек носит на лице, призвано нивелировать его индивидуальные черты. Лицо-маска становится привычкой, подменяя настоящее лицо, подобно тому, как следование правилам и нормам группы подменяет истинное «я» человека, его желания и его выбор. В этом Окуяма видит форму подчинения. И тогда отказ от подчинения группе означает свободу. Одиночество как следствие социального исключения теперь начинает обретать иной смысл. Окуяма видит в изоляции от группы свободу, пока еще пугающую его: «Или, может быть, свобода подобна сильнодействующему лекарству: в малых дозах — лечит, если же дозу увеличить — оказывает отрицательное действие... Если я во что бы то ни стало должен подчиняться требованиям маски, тогда моя теория, что маска — тюрьма, о чем я так трудно и долго писал, да что там теория, все мои записки — продукт ошибочных представлений» [1; 274].

Долгий опыт зависимости от группы отразился на его растерянности от обретенной свободы, необходимости постоянно делать самостоятельный выбор: «Итак, как же поступить с этой чрезмерной свободой?» [1; 274]. Увы, Окуяма видит в свободе «освобождение от совести», «которого не нужно стыдиться, в котором не нужно оправдываться» [1; 274]. Проблема героя заключалась в том, что он не понял главного: не искусственная маска давала ему свободу, скрывая его суть (его под маской узнали и жена, и соседская девочка), а его изоляция, освобождение, пусть вынужденное, от социальной группы. Разрыв прежних связей и отсутствие необходимости подчиняться правилам группы, соответствовать ее нормам и ожиданиям освободили в нем то, что было подавлено. Конфликт его идентичностей, прежней (групповой, коллективистской) и новой (индивидуалистической), спровоцировал дихотомическое мышление и видение альтернатив, находящихся в бинарной оппозиции. Окуяма рассматривал как возможный выбор нового поведения, образа жизни лишь как противоположную альтернативу прежним.

Дж.П. Берк и Э.Дж. Стетс указывают, что конфликт идентичностей может проявляться в том, что поведение противоречит одной идентичности, но согласуется с другой [15; 185]. То есть якобы новая идентичность Окуямы на самом деле была той частью, которая находилась под спудом коллективной идентичности. Он пишет о характере маски: «...он представлял собой часть меня самого, появ-

вившуюся не по моей воле, а благодаря тому, что охрана моего настоящего лица прочно прикрыла все входы и выходы» [1; 255]. Именно внутренняя «часть себя» вступает в конфликт с тем, что в Окуяме было сформировано под воздействием группы. Маска лишь легализовала выход в свет его новой или, точнее, ранее подавленной идентичности. Окуяма пишет: «Я должен идти вперед, шаг за шагом растапывая свой вкус, если хочу создать чужое сердце, подходящее чужому лицу. Но это оказалось не таким трудным делом, как я предполагал... Собственное «я», видимо, совсем не такое, каким оно представляется» [1; 252]. Следует напомнить, что тип характера для маски Окуяма подбирает осознанно и очень тщательно. И его выбор наверняка был обусловлен тем, что герой интуитивно чувствовал в себе, т.е. ранее подавленную часть его идентичности. Полученный результат доказывает это: «Действительно, я чувствую, что маска была не столько маской, сколько чем-то близким новому, настоящему лицу» [1; 333]. Супруга Окуямы, прочитав три тетради его исповеди-саморефлексии, сразу поняла это: «... не настоящее ли лицо то, которое ты считал маской, не маска ли то, что ты считал настоящим лицом?... Наконец ты предстал в своем истинном облике. Это была не маска, это был ты сам» [1; 330].

Окуяма пишет о своей растерянности: «Но, к сожалению, я не знал, на какую добычу стоило бы тратить свободу. Может быть, слишком уж долго меня приучали и приучили наконец экономить свободу» [1; 275]. Приучившая его группа выработала в нем навыки жизни в определенных социальных и культурных условиях. Потеряв прежнюю среду, герой на время потерял себя. Окуяма понимает, что, находясь в «теле» группы, он подчинил группе свое тело (поведение, поступки), лицо (нормы общения и взаимодействия) и, как следствие, собственное мышление. Фраза о том, что его «приучали экономить свободу», означает, что его свободу контролировали, ограничивая и сдерживая его индивидуальность. Подчиненное тело подчиняло мышление.

Ситуацию подчинения прежнего Окуямы его новой идентичностью, воплощенной в маске, можно рассмотреть в рамках теории воплощенного сознания. Пример Окуямы позволяет констатировать, во-первых, связь между телом и опытом его взаимодействия со средой, и, во-вторых, влияния тела на мышление. Э. Харт предлагает исследовать «человеческое тело как основное место социального строительства» [24; 1267].

«Воплощенный ум», являющийся результатом взаимодействия мозга с телом, демонстрирует, что ментальные схемы человека берут начало в его телесном опыте. Новая социальная и физическая среда, в которой оказалось тело Окуямы, сформировала в нем новые привычки, манеру поведения, что постепенно сформировало его новое «я», новый тип мышления и самовосприятия. Ш. Танака объясняет зависимость внутреннего «я» от среды: «...воплощенное «я» обретает свою идентичность через взаимодействие с окружающей средой... Точно так же, теряя среду, которая позволяет «я» действовать, «я» становится неспособным сохранять свою идентичность... Для воплощенного «я» самоидентичность... поддерживается не саморефлексией, а привычными действиями. «Я» существует между телом и окружающей средой...» [25; 37]. «Привычные действия» оказались невостребованными для Окуямы, обусловив формирование новых отношений между изменившейся окружающей средой и телом.

Обретение нового «я» и стало для героя «побегом из одиночной камеры». Значит, тюрьмой было прежнее существование, когда он был скован нормами группы и стремился оправдывать ее ожидания. Исключение Окуямы из социума обернулось для него индивидуальной свободой. Он в новом облике совершает неожиданные для себя поступки: «Но по-настоящему я осознал, насколько жизнеспособна и своенравна маска, когда пришел в универсальный магазин, чтобы купить костюм. Хотя наиболее подходящим для очков и бороды было бы что-нибудь броское, я тем не менее выбрал модный строгий пиджак с узкими бортами, на трех пуговицах. Мне просто не верилось. Во-первых, сам факт, что я как-то разбираюсь в моде, был выше моего понимания. Мало того, я специально зашел в ювелирный отдел и купил кольцо. Выходило, что маска игнорирует мои желания и начинает сама ходить, куда ей захочется» [1; 243]. В новой среде и новых социальных условиях тело Окуямы стало ощущать себя иначе, и со временем герой стал иначе чувствовать, мыслить, воспринимать мир и людей.

Вновь сформированная или, точнее, подвергшаяся трансформации идентичность Окуямы одержала победу. Он чувствует себя комфортно в обретенном телесном и ментальном состоянии: «Стоило мне размотать бинты и надеть маску, как тут же в моем психологическом спектре произошли изменения... Посмотрев в зеркало, я испытал радость, будто встретился со старым другом» [1; 339].

Агрессивность изменившегося Окуямы, приобретение им пистолета и готовность к противоправным поступкам ставят перед ним вопрос о его вине. Он понимает, что общество имеет отношение к тому, почему и каким образом он трансформировался. Он видит в происходящем не только свою вину: «Но то, что заключено во мне, есть во всех других людях, это нечто общее, и потому я не желаю все бремя вины взваливать на собственные плечи... Обвинить одного меня не удастся... Я ненавижу людей» [1;341]. Отношение социума к Окуяме, которого после несчастного случая они маркировали как Другого, — вот что прекратило его в «чудовище». Трагедией и причиной травматического переживания стало не обезображенное в ходе научного эксперимента лицо, а последующее социальное исключение, стигматизация.

Поиск и обретение своей индивидуальной идентичности составляет суть романа «Чужое лицо», содержание трех тетрадей Окуямы. Следует отметить символизм тетрадей, в которых герой описывает не только случившееся с ним, но и свои размышления. Первая, чёрная, тетрадь повествует о создании маски, новой идентичности. Этот период символично занял девять месяцев, т.е. срок вынашивания плода нового человека. Вторая, белая, тетрадь рассказывает о том, что в Окуяме проявляется его индивидуальная идентичность, вытесняющая все то, что было обусловлено в нем его прежним существованием в рамках социальной группы. В третьей, серой, тетради показана новая сущность героя. Три тетради Окуямы становятся нарративом, способствующим освобождению от травматического переживания.

Новое лицо Окуямы стало воплощением его новой идентичности. Социальное исключение привело к тому, что для него потеряло актуальность то, что было необходимо для существования в группе. Эта часть прежней идентичности оказалась невостребованной и уступила место ранее сокрытой, дремавшей в нем индивидуальной идентичности.

Заключение

В романе «Чужое лицо» К. Абэ обнаруживается сложный комплекс последствий травмы социального исключения, который находит выражение в потере героем прежних социальных связей и ориентиров, переживаемом им кризисе идентичности, отчуждении от самого себя, конфликте идентичностей. Социальное исключение делает героя романа чувствительным к вопросу собственной идентичности, природе Другого и причинам маргинализации человека. Таким образом, важный вывод заключается в том, что переживаемый героем кризис идентичности связан не с физической травмой лица, а с последовавшим за несчастным случаем социальным исключением.

Результаты исследования позволяют заключить, что существует прямая связь между социальным исключением и травматическим переживанием героя, между травмой и кризисом идентичности, между телесным опытом, обусловленным физической, социальной средой, и ментальными процессами, наконец, между социальным исключением и трансформацией идентичности человека.

Проявление новой идентичности героя может рассматриваться не как ее формирование, а как обнаружение, обнажение его индивидуальной идентичности, ранее скрытой, подавляемой групповой идентичностью и социальными ожиданиями. Потеря прежнего социального окружения, образа жизни, связанных с ними привычек, поведенческих норм и обретение новых постепенно формирует в героя романа новую идентичность.

Осуществленный анализ романа позволяет сделать вывод о том, что когнитивные процессы есть следствие физической, телесной обусловленности средой. Тело в изменившейся среде постепенно меняет мышление, ментальность, самооценку человека, его ценности и привычки. Смена Окуямой образа жизни, среды, типа и дистанции социального взаимодействия, ощущения тела в пространстве способствовали трансформации его идентичности.

Список литературы

- 1 Абэ К. Женщина в песках. Чужое лицо / К. Абэ. — М.: Художественная литература, 1988. — 158–341 с.
- 2 Devon C.A. The Work of Abe Kobo in the 1960s: The Struggle for Identity in Modernity; Japan, the West, and Beyond. Theses [Electronic resource] / C.A. Devon. — 2009. — Access mode: <https://scholarship.shu.edu/theses/72>
- 3 Ким Л. Лицо и маска (по роману Кобо Абэ «Чужое лицо») / Л. Ким, О. Борецкий // Адам элеме. — 2017. — № 1 (71). — С. 51–60.
- 4 Sutandio A. Transposition of the Scientific Elements in Hiroshi Teshigahara's Adaptation of Kobo Abe's The Face of Another / A. Sutandio // Kata. — 2017. — Vol. 19. — No. 2. — P. 63–70. DOI: 10.9744/kata.19.2.63-70.

- 5 Theojaya S. Personambiguity in Kobo Abe's *The Face of Another* and the Abyssal Surface of Responsibility / S. Theojaya // *Phainomena*. — 2022. — Vol. 31. — No. 120-121. — P. 359–380. DOI: 10.32022/PHI31.2022.120-121.16
- 6 Оразбек М. Маска архетипі және айна мифологемасы [Электрондық ресурс] / М. Оразбек // *Қазақ әдебиеті*. — 2024. — 14.06. — Коллективділігі: <https://qazaqadebiyeti.kz/46599/maska-arhetipi-zh-ne-ajna-mifologemasy>
- 7 Hartman H.G. On Traumatic Knowledge and Literary Studies Source / H.G. Hartman // *New Literary History*. — 1995. — Vol. 26. — No. 3. — P. 537–563.
- 8 Александер Дж. Культурная травма и коллективная идентичность / Дж. Александер // *Социологический журнал*. — 2012. — № 3. — С. 6–40.
- 9 Айерман Р. Социальная теория и травма / Р. Айерман // *Социологическое обозрение*. — 2013. — Т. 12, № 1. — С. 121–138.
- 10 Smelser N.J. Psychological trauma and cultural trauma / N.J. Smelser et al // *Cultural trauma and collective identity*. Los Angeles, London: University of California Press, 2004. — P. 31–59.
- 11 Hall S. Cultural Identity and Diaspora / S. Hall // *Framework*. — 1989. — No. 36. — P. 222–237.
- 12 AbdulMagied S.A. Othering, Identity, and Recognition: The Social Exclusion of the Constructed “Other” / S.A. AbdulMagied // *Future Journal of Social Science*. — 2022. — Vol. 1. — Issue 1. — P. 111–128. DOI: 10.54623/fue.fjss.1.1.5
- 13 Jenkins R. *Social Identity* / R. Jenkins. — 3rd ed. — London, New York, 2008. — 246 p.
- 14 Эриксон Э.Г. Кризис идентичности в автобиографической перспективе / Э.Г. Эриксон // *Личность. Культура. Общество*. — 2008. — Вып. 1 (40). — С. 73–89.
- 15 Burke J.P. *Identity Theory* / J.P. Burke, E.J. Stets. — Oxford University Press, 2009. — 256 p.
- 16 Hirota Sh. Psychological motivations for collectivist behavior: comparison between Japan and the U.S. / Sh. Hirota, K. Nakashima, Y. Tsutsui // *Mind & Society*. — 2023. — No. 22. — P. 103–128. DOI: 10.1007/s11299-023-00298-y
- 17 Hendry J. *Understanding Japanese society* / J. Hendry. — 2nd ed. — London and New York: Taylor & Francis Group, 1995. — 240 p.
- 18 *The Japanese Mind: Understanding Contemporary Japanese Culture* / edited by R.J. Davies, O. Ikeno. — Tokyo, Rutland, Vermont, Singapore: TUTTLE Publishing, 2002. — 270 p.
- 19 Taguchi R. Collectivism in Japan: How it is Impeding Japan's Growth and Future / R. Taguchi // *Angles: A Sophia University Journal of New Writing*. — 2021. — May 14.
- 20 Takamizawa E. Group Orientation in Japan: Analysis and Application to Missions / E. Takamizawa // *Torch Trinity Journal*. — 2001. — No. 4. — P. 34–45.
- 21 Gillespie A. *Becoming other: from social interaction to self-reflection* / A. Gillespie. — Information Age Publishing, 2006. — 286 p.
- 22 Staszak J.-F. Other/otherness / J.-F. Staszak // *International Encyclopedia of Human Geography*. — Oxford: Elsevier, 2008. — Vol. 8. — P. 43–47.
- 23 Turner M. Compression and representation / M. Turner // *Language and Literature*. — L.; Thousand Oaks (CA); New Delhi: SAGE Publications, 2006. — Vol. 15, No. 1. — P. 17–27. DOI: 10.1177/0963947006060550
- 24 Hart E.F. *Embodied Literature: A Cognitive-Poststructuralist Approach to Genre* / E.F. Hart // *Literary Theory: An Anthology* / edited by J. Rivkin, M. Ryan. — 3rd ed. — John Wiley & Sons, 2017. — P. 1265–1283.
- 25 Tanaka Sh. *Reconsidering the Self in Japanese Culture from an Embodied Perspective* / Sh. Tanaka // *Civilization*. — 2015. — No. 2. — P. 35–39.
- 26 Эриксон Э. *Идентичность: юность и кризис* / Э. Эриксон. — 2-е изд. — М.: Флинта: МПСИ: Прогресс, 2006. — 352 с.

А. Мұстаяпова

Кобо Абэнің «Бөтен бет» романы кейіпкерінің әлеуметтік ерекшелік жарақаты және сәйкестік дағдарысы

Мақалада Кобо Абэнің «Бөтен бет» романы кейіпкерінің жарақаты мен қоғам тарапынан шеттетілу салдарынан туындайтын ұқсастық дағдарысын бейнелеу тұрғысынан талдау жасалған. Мақала авторы ұжымдық ойлау жүйесі қалыптасқан қоғамда өмір сүретін адамның әлеуметтік оқшаулану жарақатын бастан кешіруіне назар аударады. Жапон қоғамының топтық санасын зерттеуге арналған еңбектерге сүйене отырып, бұл мақалада кейіпкердің психологиялық жарақаты мен тұлғалық сәйкестігінің өзгеруіне себеп болған нәрсе оның физикалық жарақаты емес, апаттан кейін бастан өткерген әлеуметтік оқшаулануы екені дәлелденген. Ерекше назар адам тұлғасына деструктивті әсер ететін жатсыну тәжірибесіне және оның жарақаттаушы сипатына аударылады. Әлеуметтік контекст оның белгілі бір топқа тиесілі тұлғалық сәйкестігінің елеулі бөлігін құрайтын жапон азаматының өзге болмыс күйін бастан кешіру тәжірибесін зерттеуге мүмкіндік берді. Роман кейіпкерінің сәйкестік мәселесі соғыстан кейін батыс мәдениетінің ықпалына түскен жапон қоғамындағы ұлттық сәйкестіктің қалыптасуы аясында қарастырылады, әрі ұлттық ұжымдасу мен батыстық жекешелену

дихотомиясы жөніндегі стереотипті қайта пайымдауға мүмкіндік берді. Осындай көзқарас зерттеудің деколониялдық бағытта жүзеге асуына негіз болды. Сонымен қатар кейіпкердің сәйкестігі қазіргі заманғы шынайы сана теориясы аясында зерттеледі. Мәтінді талдаудың ерекшеленген мүмкіндігі сәйкестік тұжырымдамасына, жарақат, өзгелік және шынайы сана теорияларына негізделген зерттеу әдістерін таңдауға себеп болды. Мұндай тәсіл зерттеудің жаңалығын және өзектілігін қамтамасыз етті. Зерттеудің мақсаты әлеуметтік оқшаулану салдарынан тұлғаның жарақаты мен сәйкестік дағдарысын талдау. Аталған мақсатқа топтық сананың мәнін және өзгелік табиғатын анықтау арқылы қол жеткізіледі, бұл роман кейіпкерінің психологиялық жарақатының сипатын және оның тұлғалық сәйкестігінің өзгеру себептерін айқындауға мүмкіндік береді. Мақалада кейіпкерді жарақаттаушы жайт бір реттік оқиға немесе жазатайым жағдай емес, керісінше, оның қалыпты әлеуметтік қатынастардан шеттетілуінің салдары екені атап өтіледі. Зерттеу нәтижелері көрсеткендей, кейіпкер бастан кешкен әлеуметтік оқшаулану оны өзгенің табиғатын терең сезінуге итермелейді; ұжымдық ойлау басым дәстүрлі әлеуметтік топтан адамның шеттетілуі тек тұлғалық сәйкестік дағдарысына ғана емес, сонымен қатар жекешеленуге негізделген жаңа сәйкестіктің қалыптасуына да алып келеді. Адамның сәйкестігі мен оның бойындағы когнитивтік үдерістер оның қоршаған ортаға, яғни қоғамның жағдайы мен нормаларына тән физикалық және денелік тәуелділігінің көрінісі.

Кілт сөздер: жарақат, әлеуметтік оқшаулану, өзгелік, дағдарыс, сәйкестік.

A. Mustoyapova

The Trauma of Social Exclusion and the Identity Transformation of the Protagonist in Kobo Abe's *The Face of Another*

This article analyzes Kobo Abe's novel *The Face of Another* in terms of its depiction of the protagonist's trauma and identity crisis resulting from social ostracism. The author focuses on the experience of social exclusion in a person shaped by a collectivist society. Drawing on studies of group consciousness in Japanese society, the article argues that it was not the physical injury itself but the subsequent social exclusion following the accident that produced the protagonist's psychological trauma and transformation of identity. Particular attention is given to the traumatic experience of alienation and its destructive impact on human identity. The social context makes it possible to explore the experience of otherness encountered by a Japanese individual whose sense of belonging to a group constitutes a significant part of their identity. The protagonist's identity crisis is examined against the backdrop of the formation of national identity in postwar Japanese society, which, under the influence of Western culture, allows for a reconsideration of the stereotype of a dichotomy between Japanese collectivism and Western individualism. This perspective shapes the decolonial approach of the study. In addition, the protagonist's identity is analyzed through the lens of contemporary theories of embodied consciousness. This analytical perspective guided the research methodology, which draws on the concept of identity, as well as theories of trauma, otherness, and embodied consciousness. Such an approach ensures both the novelty and relevance of the study. The aim of the research is to analyze trauma and identity crisis as consequences of social exclusion. This aim is pursued by clarifying the essence of group consciousness and the nature of otherness, which together make it possible to identify the character of the protagonist's psychological trauma and the reasons for his transformation of identity. The article argues that what proves traumatic for the protagonist is not the singular event of the accident, but its aftermath—his exclusion from habitual social relations. The results of the study demonstrate that social exclusion sensitizes the protagonist to the nature of otherness. The expulsion of an individual from a traditional collectivist group leads not only to a crisis of personal identity, but also to the formation of a new identity based on individualism. Furthermore, an individual's identity and cognitive processes are understood as the embodiment of their physical and bodily dependence on the social environment—its conditions and norms.

Keywords: trauma, social exclusion, otherness, crisis, transformation, identity.

References

- 1 Abe, K. (1988). *Zhenshchina v peskakh. Chuzhoe litso* [Woman in the Dunes. The Face of Another]. Moscow: Khudozhestvennaia literatura [in Russian].
- 2 Devon, C.A. (2009). The Work of Abe Kobo in the 1960s: The Struggle for Identity in Modernity; Japan, the West, and Beyond. *scholarship.shu.edu*. Retrieved from <https://scholarship.shu.edu/theses/72>
- 3 Kim, L., & Boretskii, O. (2017). Litso i maska (po romanu Kobo Abe «Chuzhoe litso») [Face and Mask (based on Kobo Abe's novel "The Face of Another")]. *Adam alemi — World of Man*, 1, 71, 51–60 [in Russian].
- 4 Sutandio, A. (2017). Transposition of the Scientific Elements in Hiroshi Teshigahara's Adaptation of Kobo Abe's The Face of Another. *Kata*, 19, 2, 63–70. 10.9744/kata.19.2.63-70.

- 5 Theojaya, S. (2022). Personambiguity in Kobo Abe's *The Face of Another* and the Abyssal Surface of Responsibility. *Phainomena*, 31, 120-121, 359–380. 10.32022/PHI31.2022.120-121.16
- 6 Orazbek, M. (2024). Maska arkhetypi zhane aina mifologemasy [Mask Archetype and Mirror Mythologem]. *Kazakh adebiety — Kazakh literature*. Retrieved from <https://qazaqadebiety.kz/46599/maska-arhetipi-zh-ne-ajna-mifologemasy> [in Kazakh].
- 7 Hartman, H.G. (1995). On Traumatic Knowledge and Literary Studies Source. *New Literary History*, 26, 3, 537–563.
- 8 Aleksander, Dzh. (2012). Kulturnaia travma i kollektivnaia identichnost [Cultural Trauma and Collective Identity]. *Sotsiologicheskii zhurnal — Sociological Journal*, 3, 6–40 [in Russian].
- 9 Aierman, R. (2013). Sotsialnaia teoriia i travma [Social Theory and Trauma]. *Sotsiologicheskoe obozrenie — Russian Sociological Review*, 12, 1, 121–138 [in Russian].
- 10 Smelser, N.J. et al (2004). Psychological trauma and cultural trauma. *Cultural trauma and collective identity*, 31–59. Los Angeles, London: University of California Press
- 11 Hall, S. (1989). Cultural Identity and Diaspora. *Framework*, 36, 222–237.
- 12 AbdulMagied, S.A. (2022). Othering, Identity, and Recognition: The Social Exclusion of the Constructed “Other”. *Future Journal of Social Science*, 1, 1, 111–128. 10.54623/fue.fjss.1.1.5
- 13 Jenkins, R. (2008). *Social Identity*. (3rd ed.). London, New York.
- 14 Erikson, E.G. (2008). Krizis identichnosti v avtobiograficheskoi perspektive [Identity Crisis in Autobiographical Perspective]. *Lichnost. Kultura. Obshchestvo — Personality. Culture. Society*, 1, 40, 73–89 [in Russian].
- 15 Burke, J.P., & Stets, E.J. (2009). *Identity Theory* [Identity Theory]. Oxford University Press.
- 16 Hirota, Sh., Nakashima K., & Tsutsui, Y. (2023). Psychological motivations for collectivist behavior: comparison between Japan and the U.S. *Mind & Society*, 22, 103–128. 10.1007/s11299-023-00298-y
- 17 Hendry, J. (1995). *Understanding Japanese society*. (2nd ed.). London and New York: Taylor & Francis Group.
- 18 Davies, R.J., & Ikeno, O. (Eds.). (2002). *The Japanese Mind: Understanding Contemporary Japanese*. Tokyo, Rutland, Vermont, Singapore: TUTTLE Publishing.
- 19 Taguchi, R. (2021). Collectivism in Japan: How it is Impeding Japan's Growth and Future. *Angles: A Sophia University Journal of New Writing*.
- 20 Takamizawa, E. (2001). Group Orientation in Japan: Analysis and Application to Missions. *Torch Trinity Journal*, 4, 34–45.
- 21 Gillespie, A. (2006). *Becoming other: from social interaction to self-reflection*. Information Age Publishing.
- 22 Staszak, J.-F. (2008). Other/otherness. *International Encyclopedia of Human Geography*, 8, 43–47. Elsevier.
- 23 Turner, M. (2006). Compression and representation. *Language and Literature*, 15, 1, 17–27. 10.1177/09639470060606550
- 24 Hart, E.F. (2017). Embodied Literature: A Cognitive-Poststructuralist Approach to Genre [Embodied Literature: A Cognitive-Poststructuralist Approach to Genre]. *Literary Theory: An Anthology*, (3rd ed.). John Wiley & Sons, 1265–1283.
- 25 Tanaka, Sh. (2015). Reconsidering the Self in Japanese Culture from an Embodied Perspective. *Civilization*, 2, 35–39.
- 26 Erikson, E. (2006). *Identichnost: yunost i krizis* [Identity: Youth and Crisis]. (2nd ed.). Moscow: Flinta: MPSI: Progress [in Russian].

Information about the author

Mustoyapova, Ainash Tokushevna — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Buketov Karaganda National Research University, Karaganda, Kazakhstan. E-mail: mustoyapova2017@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5658-9844>